

Примечательно, что в это же самое время из страны продолжался вывоз зерна за рубеж. В телеграмме А.И. Микояна И.В. Сталину от 3 октября 1930 г. говорилось, что в сентябре не удалось выполнить задание Политбюро на экспорт хлеба. Вместо задания в 90 млн. пудов всего было вывезено 46 млн. пудов. Главной причиной отставания называлось невыполнение плана заготовок Украиной и Северным Кавказом. С 25 по 30 сентября 1930 г. средний дневной вывоз зерна превышал 2,5 млн. пудов. В первых числах октября эту цифру планировалось довести до 3-4 млн. пудов в день [14].

Литература

1. Косачев В.Г. Накануне коллективизации. Поездка И.В. Сталина в Сибирь // *Вопр. истории*. 1998. № 5. С. 101.
2. Там же.
3. Протоколы заседаний бюро Иркутского окружкома ВКП(б) 1926-1930гг. // ГАНИИО (Гос. арх. новейшей истории Иркут. обл.) Ф.16. Оп.1. Д.574. Л.58.
4. Папков С.А. Сталинский террор в Сибири. 1928-1941. Новосибирск: Изд-во Сиб. отд-ния РАН, 1997. С.13.
5. Документы ВЦИК Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 1922-1928гг. // ГАРФ (Гос. арх. Рос. Федерации). Ф.1235. Оп.140. Д.1108. Л. 7.
6. Там же. Ф.1235. Оп.140. Д.1108. Л. 5.
7. Там же. Ф.1235. Оп.140. Д.1108. Л. 4.
8. Там же. Ф.1235. Оп.140. Д.1108. Л. 2.
9. Документы Ачинского окружкома ВКП(б) 1929-1930гг. // ГАКК (Гос. арх. Красноярского края). Ф. П-59. Оп.1. Д. 747. Л. 6.
10. Очерки истории Иркутской организации КПСС. Ч. 2. Кн. I (1920-1945гг.) / ред.-сост.: С. А. Меркурьев, А. Я. ШапрANOVA. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1976. С.151-152.
11. Малышева М.П. Голод на юге Сибири в 1930 г. // *Гуманитарные науки в Сибири*. 1998. № 2. С.84.
12. Там же. С. 85.
13. Малышева М.П. Голод на юге ... С. 86-87.
14. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939: документы и материалы. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 2. С. 578.

УДК 94(571.5):64

МЕЖДУ МОЛОТОМ И НАКОВАЛЬНЕЙ

*С.В. Ковригина, канд. ист. наук
БрГУ, Братск*

Научный интерес автора данной статьи направлен на исследование повседневной жизни председателей колхозов Приангарья в послевоенный период, их взаимодействия с властью и сельской средой по поводу организации труда в сельхозартелях региона.

Ключевые слова: Сибирь, Приангарье, крестьянство, послевоенный период, организация труда, деревенская верхушка.

«Троица» означает: председатель – “Бог”, заместитель – “Сын”, член правления “Дух святой”.

За последнее время в нашем колхозе “Бога” не найдешь, “Сын” мало-мальски мотается – и показывает, что он работает, а “Дух свя-

тый” ничего не делает, и его не увидишь. Вот вам и троица» [1].

Взгляд на прошлое Приангарья под углом зрения истории повседневности дает возможность увидеть круг проблем, связанных с элементарными человеческими потребностями и возможностями их реализации в специфичных условиях колхозного строя.

В своей работе мы ограничиваемся изучением того, как «деревенская верхушка» – председатели колхозов приангарских деревень послевоенного периода пытались реализовать свои потребности, вступая во взаимодействие с властью и сельской средой по поводу организации труда.

К концу Великой Отечественной войны перед колхозами Приангарья, как и перед государством в целом, встали задачи восстановления и дальнейшего развития. Итоговые директивные показатели роста сельского хозяйства региона были установлены на достаточно высоком уровне, превосходящем довоенный [2].

Достижение такого результата предусматривалось экстенсивным и административным путем, а сама колхозная деревня продолжала рассматриваться руководством страны как второстепенная отрасль экономики, собственные интересы которой игнорировались.

По законодательству артели обязаны были производить только указанные виды и объемы продукции. Нормативы спускались каждому колхозу, детально прописывались величина и структура посевных площадей и их урожайность, количество скота и его продуктивность и даже сроки проведения тех или иных работ. Заготовительным органам вменялось в обязанность как можно скорее вручить колхозам и их руководству обязательства по поставкам государству сельскохозяйственной продукции. В любой момент государство могло дать «дополнительное задание» и произвольно увеличить нормы поставок.

В этих условиях использовался весь арсенал имеющихся средств отслеживания

и контроля за процессом производства, за административной и хозяйственной деятельностью, прежде всего, председателей колхозов. Так, например, только за 9 месяцев 1949 г. до колхоза «Рассвет» Иркутского района было доведено 77 письменных руководящих директив и указаний, до колхоза им. Андреева – 166, до колхоза «Искра» Черемховского района – 64 [3].

Важно отметить, что государственная структура управления деятельностью сельхозартелей была достаточно сложной и включала как минимум три основных субъекта управления: 1) партийные органы всех уровней; 2) советские государственные учреждения (Советы и их исполнительные органы); 3) хозяйственные организации (колхозы, совхозы, МТС). Причем у каждого из этих субъектов были свои специфические задачи, функции и объем полномочий, но они настолько переплетались, что разделение функций было вечной, не решаемой проблемой Советской власти. В этой связи типична поступавшая с мест информация председателей колхозов о том, что «в районе два отдела сельского хозяйства: один в райисполкоме, второй в райкоме. Делают они одно дело, а работают вразнобой. Если один составил план, другой организует мероприятия вне этого плана» [4]. А если добавить к этому деятельность профсоюзов и комсомольских организаций, также обладавших определенными властными функциями, и уполномоченных центральных и областных органов управления, то становится ясным, сколь сложно было руководить сельхозартелями на местах.

Показателен пример, когда в 1950 г. в выступлении на районной партконференции председатель колхоза Братского района отмечал существующую неразбериху в проведении «политики партии» со стороны районных органов власти. В частности, он указывал на то, что «не всегда работники райкома оказывают нужную помощь. Вместо проведения политической работы с колхозниками настаивают на сверхплановой сдаче зерна государству, действуют по заранее написанным

памяткам, охватывающим узкий круг вопросов» [5].

Наличие данной проблемы отмечалось и на уровне сельскохозяйственного отдела ЦК ВКП (б), в частности, указывалось на то, что «некоторые местные партийно-советские и земельные органы часто не считаются с председателями колхозов и подменяют их в работе своими уполномоченными, превращая председателей колхозов в технических исполнителей распоряжений районных органов» [6]. Однако на протяжении всего исследуемого периода требования со стороны государственных органов власти к административному аппарату колхозов продолжали оставаться чрезвычайно высокими. Любые попытки самостоятельного принятия решений, идущих вразрез с «инструкциями», наказывались снятием с работы. Например, в Нижнеилимском районе в 1947 г. отмечалось, что «из числа сменившихся председателей колхозов освобождено как не справившихся, снято за нарушение директив партийных и советских органов и переизбрано по этим же причинам – 32 чел., что составляет 78 % ко всем сменившимся» [7].

При этом выдача хлеба на трудодни колхозникам при невыполнении плана хлебопоставок наказывалась в уголовном порядке. Так, самая многочисленная «посадка» председателей колхозов имела место во втором полугодии неурожайного и, как следствие, голодного 1946 года, осенью, когда проводились государственные хлебозаготовки. Именно в этот период в РСФСР было привлечено к уголовной ответственности более 5500 председателей [8].

После принятия Постановления ЦК ВКП (б) от 14 июня 1947 г. «О недопустимых фактах частой сменяемости и необоснованной отдачи под суд председателей колхозов» количество предаваемых суду председателей уменьшилось, сократились и сроки наказания. Однако на протяжении всего послевоенного периода тяжелейшее материальное положение колхозников толкало председателей колхозов на «вредный антигосударственный путь». Иногда, спасая односельчан от голодного

существования, председатели сельхозартелей Приангарья затягивали выполнение плана хлебосдачи государству. В документах того времени зафиксированы следующие мнения руководящих работников: «Прикрываются плохим урожаем, кричат о нереальности графиков и в общем шуме хлеб придерживают, скрывают его от государства. Хуже того, многие председатели колхозов – хлеб государству не сдают, а сами сытые бывают» [9].

Основным бедствием деревни были низкие заготовительные цены на колхозную продукцию, которые не возмещали даже затрат на производство, что приводило к разорению производителей. Так, по данным на 1 июля 1953 г. в Иркутской области насчитывалось 302 экономически слабых колхоза из 685 имеющихся [10]. Поэтому нереальность спускаемых «сверху» графиков сельскохозяйственных работ и хлебосдачи заставляла руководителей колхозов идти по пути прямых подлогов [11].

Спасая односельчан от голода, особенно в первые послевоенные годы, председатели колхозов шли и на преступления. Так, в эти годы в колхозах Иркутской области следственными органами вскрывались случаи хищения зерна нового урожая [12]. По воспоминаниям И.М. Московских, «в 1947-ом году, когда год голодный был... ячмень рано созрел, и его женщины серпами сжали... А с Иркутска был уполномоченный – офицер. Мы эту муку размолоти, привезли и народу дали понемногу, чтобы хоть на кашу хватило или чтобы хлеб состряпать, начинается же страда. А этот уполномоченный убежал в район, чтобы сообщить, что государству хлеб не сдают, а первый хлеб сами съели. Председателя вызвали и там его так накачали, бедного. Да даже если бы мы это зерно сдали, то его бы только в январе вывозили. А с августа по декабрь он бы лежал 5-6 месяцев, а народ был бы голодный. Вот как относились...» [13]. В Богучанском районе, например, отмечались факты расхищения хлеба «в отходах под видом большой сорности и некондиционности» [14].

Высокие требования к руководящим кадрам села предъявлялись не только властью, но и рядовыми колхозниками. По этому случаю даже бытовала поговорка: «какой председатель – такой колхоз» [15].

Так, Наркомземом СССР в первом полугодии 1945 г. было получено 1620 писем, главным образом с жалобами на неправильный подбор председателей колхозов и различные нарушения устава сельскохозяйственной артели. ЦК ВКП (б) отмечал, что до сих пор не изжитая осужденная ЦК «негодная» практика переводов провалявшихся на работе председателей колхозов на тот же пост в другой колхоз, что вызывает справедливые нарекания колхозников. Собрания превращались в некие ритуальные действия, где «нужные» решения принимались независимо от мнения членов колхоза. Кежемский РК ВКП (б) отмечал, что в районе «принципиальной деловой критики отдельные руководители колхозов не развивают и не поддерживают. На выступления колхозников часто бывают окрики, пререкания» [16], а в целом «в большинстве колхозов собрания не проводятся, и все вопросы решает председатель колхоза» [17].

Письма и жалобы колхозников показывают, что «имеются случаи, когда снятие с работы и выдвижение на работу председателей колхозов производится помимо общих собраний колхозов, а некоторые из председателей колхозов, направленные на работу райкомами партии и райисполкомами, даже не вступают в члены колхоза, которым руководят. В ряде случаев председатели колхозов не считают себя ответственными за работу перед колхозниками» [18].

По мнению крестьян, условия их труда напрямую зависели от личных качеств деревенской «верхушки». Основной производственной единицей организации труда в колхозах являлись бригады. Внутри них создавались звенья, за которыми, согласно Постановлению Совета Министров СССР от 19 апреля 1948 г. «О мерах по улучшению организации, повышению производительности и упорядочению оплаты труда в колхозах», должны были закреп-

ляться на срок не менее года определенные участки работ. На практике же ежедневным распределением работ в колхозе занимались председатель и бригадир. Как свидетельствуют устные рассказы, «бригадир подходил утром под каждое окошечко и говорил: «Вот ты сегодня пойдешь полоть хлеб, или там, пойдешь, как станут убирать, снопы вязать. Я работала на корове, возила корм лошадям и развозила семена на поле сеять» [19]. Многие респонденты, особенно женщины, указывают на несправедливое отношение бригадиров к некоторым колхозникам. Особенно ярко практика личных взаимоотношений проявлялась при распределении работ. По воспоминаниям председателя колхоза И.Т. Касимова, власть руководства колхозов над крестьянами, особенно в трудовой деятельности, была почти неограниченной: «переходили с одной работы на другую, если только бригадир посчитает нужным, это только от его мнения зависело. Но если колхозу нужны доярки, поставят тебя дояркой, не посмотрят, что ты полевод. Получается, что бригадир был царь и бог на месте» [20].

Безусловно, председатели имели доступ к распределению материальных благ. Показателен пример распределения рабочей силы в одном из колхозов Заярского района Иркутской области, в котором на наиболее тяжелых работах в животноводстве и полеводстве работали всего 16 человек, т. е. 31 % из всех колхозников, остальные члены сельхозартели старались попасть на более легкие виды колхозных работ [21]. Отмечалось, что в некоторых сельхозартелях Иркутской области «третья часть трудоспособных людей занята на административной и обслуживающей работе» [22].

Власть председателей в деревне была безграничной, поэтому только самые вопиющие факты становились достоянием гласности [23]. Органы государственной власти систематически наказывали «завравшихся» руководителей. Однако принципы социальной справедливости при работе с колхозниками не были законодательно закреплены, поэтому на мес-

тах от «хорошего» отношения председателя зачастую зависели судьбы колхозников (распределение работ, выделение сенокосных угодий и т. д.). Согласно устным воспоминаниям, в более тяжелых условиях в таких ситуациях оказывались вдовы семьи.

Распространенной была уравниловка в начислении трудодней, встречались факты, когда «проверка записи трудодней ведется грязно и не заводится в тот день, в который люди работают» [24]. Во многих сельхозартелях наблюдались произвольные установление норм выработки и учет [25].

Наиболее вопиющие факты уклонения от трудовой повинности со стороны семей деревенской верхушки становились достоянием гласности. Так, в газете «Удерецкий рабочий» за 1951 г. сообщалось, что в колхозе «Спартак» «у председателя колхоза дочь длительное время бездельничала, а потом ее отпустили из колхоза без разрешения общего собрания колхозников; его сын, комбайнер, в уборочную кампанию мало дней был занят на основной работе, неделями лежал и ни в чем не хотел помочь колхозу. Жены двух бригадиров и заместителя председателя колхоза также не работают» [26], «отдельные председатели колхозов района сознательно скрывали от предания суду трудоспособных колхозников, не выработавших без уважительных причин установленный минимум трудодней. Подобная практика со стороны правлений колхозов является преступной» [27].

В конце 1940-х – начале 1950-х годов, когда прекращается уголовное преследование за невыполнение планов хлебосдачи, все чаще появляются факты хищений среди административной верхушки колхозов, а иногда и районного руководства. В 1946 г. областная газета «Восточно-Сибирская правда» опубликовала следующие факты: «В колхозе «Новая жизнь» за последние два года районными работниками было взято различных продуктов на 57 тысяч рублей. По незаконным решениям райисполкома и по частным запискам в 1946 году было расхищено 1566 гектаров общественных колхозных земель»

[28]. В Боханском районе «сам секретарь райкома брал без всякой оплаты в колхозах коров, овец, масло и другие животноводческие продукты, продавал их по спекулятивным ценам в Иркутске, а по его примеру и другие» [29].

Председатели часто «переавансировали» себя и правление колхоза. Так, например, в Тулунском районе в 1949 г., по сведениям РК ВКП (б), председатель колхоза имени Ленина за весь период своей болезни с 1 января по 18 мая начислил себе 345 трудодней, тогда как замещающим его лицам трудодни тоже начислены. По распоряжению председателя за выслугу лет 66 трудоднями премировали бригадира полеводческой бригады, который до этого был снят с работы за развал дисциплины [30]. В Братском районе, в деревне Московская «трудовая дисциплина среди руководящего состава очень ослабла, созданы условия для безучетного хранения и хищения хлеба, процветает систематическая пьянка. Руководящий состав правления этого колхоза в основном связан родственными чувствами. Руководящий состав правления без учета и скрытно от колхозников получает хлеб. Некоторые руководящие работники правления, выезжая на рынок, с продажей колхозных продуктов наживаются лично и не отчитываются перед колхозниками» [31].

Заметим, что к концу 1940-х годов подворные переписи проводились уже не со слов колхозников, и утаивание скота для снижения ставок по сельхозналогу не обходилось без помощи деревенских властей. Так, в Кежемском районе Красноярского края некоторые трудоспособные записывались калеками. Многие производили по спискам фиктивные разделы членов одной семьи или объединение разных хозяйств в одно. По трем сельским советам незаконно освободили от поставок или предоставили льготы 90 хозяйствам [32].

Главными виновниками своего бедственного положения колхозники считали местную власть, поэтому «неиссякаемым потоком» шли письма-жалобы в различные высшие инстанции.

Иногда, «ища правду», колхозники об-

ращались к широкой общественности и через местные печатные органы. Так, осенью 1948 г. газета «Знамя коммунизма» Братского района опубликовала заметку – жалобу на правление колхоза с. Долоново. Автор заметки «Сельсовет, оторвавшийся от масс» избач Юсупов выражал недовольство тем, что по полгода не созываются сессии сельского Совета, не решается ни одного вопроса по хозяйственной деятельности колхоза, а сам председатель проживает в другой деревне» [33].

Боясь открыто критиковать начальство, жители сельхозартели «Новая жизнь» Черемховского района 18 февраля 1950 г. перед отчетным собранием колхоза на телефонном столбе вывесили листовку: «Долой пьяницу председателя колхоза и бригадира за то, что они жгут и пропивают корм, а колхозный скот гибнет из-за бескормицы, пьянствуют и разворовывают колхозное добро и не стыдясь представляют себя на звание Героев Социалистического Труда» [34].

Однако чаще устная критика выражалась в основном в негативной оценке своего бедственного положения и попытках назвать виновных – работников властных структур, руководителей и активистов колхозов.

В начале 1950-х годов проблема голода была снята с повестки дня, но не был изменен главный атрибут советской аграрной политики – жесткий партийно-государственный контроль над сельскохозяйственным производством.

Взаимоотношения председателей колхозов с властью выстраивались в рамках негласного договора, который предполагал признание относительной самостоятельности руководителей сельхозартели в решении оперативных вопросов хозяйственной деятельности на местах и в то же время безусловную подчиненность во всех остальных сферах.

В этих условиях материальная заинтересованность в труде подменялась системой распределения товаров и услуг на местах, что создавало иерархию потребления и являлось важным каналом влияния деревенской верхушки на рядовых

колхозников. Подобная практика, начиная с конца 1940-х гг., давала возможность для личного обогащения председателей и членов их семей при «попустительстве», а иногда и при непосредственном участии районного руководства.

Литература

1. Докладные записки инструкторов на имя секретаря обкома партии о разборе писем и жалоб трудящихся литер А-Г. За 1950г. // ГАНИИО (Гос. арх. новейшей истории Иркут. обл.). Ф. 127. Оп. 30. Д. 524. Л. 126.

2. Занданова Л.В. Иркутская деревня в послевоенные годы: сельское хозяйство и население // Межвузовская конференция, посв. 50-ю Победы над фашистской Германией: тез. докл. Иркутск, 1995. С. 8.

3. Шалак А.В. Социальные проблемы населения Восточной Сибири: (1940-1950 гг.): науч. изд. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2000. С. 131.

4. Протокол 8 районной партийной конференции и материалы к нему. Подлинник. 15-16 января 1950 г. // ГАНИИО Ф. 31. Оп. 5. Д. 7. Л. 73.

5. Там же. Л. 63.

6. Проекты постановлений ЦК ВКП(б), ГОКО о недостатках в руководстве работой председателей колхозов, об обеспечении сельхоз. кадрами высшей и средней квалификации, об организации курсов для директоров МТС и справки отдела по проекту постановления СНК СССР о мерах по бытовому устройству агрономов, зоотехников, вет. врачей и землеустроителей, работающих в с/х и проживающих в сельской местности и по докладной записке об отзыве специалистов для работы над конструкцией парового трактора. Январь 1945 г.-февраль 1946г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 123. Д. 321. Л. 69.

7. Отчеты, информации и переписка по учету кадров. 1948 г. // ГАНИИО Ф. 210. Оп. 13. Д. 26. Л. 14.

8. Попов В.П. Хлеб как объект государственной политики в СССР в 1940-е годы // Отечественная история. 2000. № 2. С. 65.

9. Протокол 1 сессии партактива Богучанского района от 9 сентября 1947г. // Архивное агентство администрации Красноярского края Ф. п-57. Оп. 8. Д. 3. Л. 83.

10. Назаров П.П. Организаторская работа – основа успехов подъема сельского хозяйства (из опыта работы партийных организаций Иркутской области и Бурятской АССР в период завершения строительства социализма в СССР 1950-1958гг.) / Ученые записки. 1968. Вып. 3. С. 93-117.

11. Письма в редакцию // Знамя коммунизма. 1948. 25 сент.

12. Редакционная статья // Восточно-Сибирская правда. 1947. 5 сент.

13. [Интервью с И.М. Московских] // Архив НИЛ ГИ ГОУ ВПО «БрГУ» Ф. 2. Оп. 1. Д. 2.

14. Протокол 1 сессии партактива Богучанского района от 9 сентября 1947г. // Архивное агентство администрации Красноярского края Ф. п-57. Оп. 8. Д. 3. Л. 83.

15. Назаров П.П. Организаторская работа – основа успехов подъема сельского хозяйства (из опыта работы партийных организаций Иркутской области и Бурятской АССР в период завершения строительства социализма в СССР (1950-1958гг.) // Ученые записки. 1968. Вып. 3. С. 244.

16. Протоколы собраний партийного актива Кежемского района 8 окт. 1952 г. - 8 авг. 1953 г. // Архивное агентство администрации Красноярского края Ф. п-20. Оп. 1. Д. 290. Л. 20.

17. Характеристика района и переписка Удереиского РК ВКП(б) с партийными и советскими организациями по партийным и бытовым вопросам // Там же. Ф. п-19. Оп.1. Д. 207. Л. 5.

18. Проекты постановлений ЦК ВКП(б), ГОКО о недостатках в руководстве работой председателей колхозов, об обеспечении с. х. кадрами высшей и средней квалификации, об организации курсов для директоров МТС и справки отдела по проекту постановления СНК СССР о мерах по бытовому устройству агрономов, зоотехников, вет. врачей и

землеустроителей, работающих в с.х. и проживающих в сельской местности и по докладной записке об отзыве специалистов для работы над конструкцией парового трактора. Январь 1945г.- февраль 1946г. // ГАРСПИ Ф. 17. Оп. 123. Д. 321. Л. 62.

19. [Интервью с Л.Ф. Широких] // Архив НИЛ ГИ ГОУ ВПО «БрГУ» Ф. 2. Оп. 12. Д. 2.

20. [Интервью с И.Т. Касимовым] // Там же. Ф. 1. Оп. 13. Д. 1.

21. Протоколы заседаний Заярского бюро райкома 1949г. // ГАНИИО Ф. 1108. Оп. 1. Д. 141. Л. 5.

22. Письма в редакцию // Знамя Ленина. 1946. 11 сент.

23. Редакционная статья // Вост.-Сиб. правда. 1947. 20 февр.

24. Протоколы партактивов и кустовых собраний Мотыгинского района 1январ. - 21нояб. 1946 г. // Архивное агентство администрации Красноярского края Ф. п-19. Оп. 1. Д. 403. Л. 62.

25. Протоколы собраний партийного актива Кежемского района 8 окт. 1952 г. - 8 авг. 1953 г. // Там же. Ф. п-20. Оп. 1. Д. 290. Л. 20.

26. Письма в редакцию // Удереиский рабочий. 1951. 4 июня.

27. Письма в редакцию // Знамя Ленина. 1946. 15 авг.

28. Редакционная статья // Восточно - Сибирская правда. 1946. 6 окт.

29. Протокол собрания партийного актива Заярского района от 26 июня 1946 года // ГАНИИО Ф. 1108. Оп. 1. Д. 10. Л. 27.

30. Докладные записки инструкторов на имя секретаря обкома партии о разборе писем и жалоб трудящихся литер А-Г. За 1950 г. // Там же. Ф. 127. Оп. 30. Д. 524. Л. 101.

31. Переписка с органами МТБ о компрометирующих данных отдельных коммунистов 14 января - 24 июня 1947г. // Там же. Ф. 31. Оп. 5. Д. 4. Л. 2.

32. Докладные работников РК КПСС на имя 1 секретаря РК КПСС по проверке работы колхозов и др. 12 декабря 1951-8 декабря 1952гг. // Архивное агентство администрации Красноярского края Ф. п-20. Оп. 1. Д. 292. Л. 18-19.

33. Письма в редакцию // Знамя коммунизма. 1948. 1 нояб.

34. Докладные записки инструкторов на имя секретаря обкома партии о разборе писем и жалоб трудящихся литер А-Г. За 1950г. // ГАНИ-ИО Ф. 127. Оп. 30. Д. 524. Л. 171.

УДК 378

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ПАРТНЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

*Косогова А.С., д-р пед. наук
ВСГАО, Иркутск,*

*Арасланова А.А. *, канд. пед. наук
Усть-Илимский ф-л БрГУ, Усть-Илимск*

В статье изучен исторический опыт партнерских отношений в сфере высшего образования в контексте развития культурно-исторических ценностей, норм и традиций в советский период, не утративший своей высокой общественной значимости и в наши дни. Рассмотрены формы социального взаимодействия в советском высшем образовании.

Ключевые слова: история высшего образования в России, советский период, социальное партнерство.

Новые стратегические ориентиры и невозможность в одиночку разрешить сложнейший комплекс социально-педагогических проблем модернизации в сфере высшего образования обуславливают необходимость обращения вузов к социальному партнерству как важнейшей составляющей интеграционных процессов в образовательно-информационном пространстве. Приобретающее в последнее время все более широкое распространение в системе мирового и отечественного высшего образования социальное партнерство нацелено на подготовку мобильных и высококвалифицированных специалистов, способных к профессиональному саморазвитию и самореализации. В связи с этим основная идея исследования состоит в необходимости выявления, анализа и систематизации уникального исторического опыта, накопленного отече-

ственной высшей школой в предыдущие периоды своего развития.

С победой Октябрьской революции 1917 г. и установлением Советской власти развитие народного образования было всецело подчинено общим задачам социалистического строительства и осуществлялось под жестким партийно-государственным руководством, через государственные структуры и общественные организации. Как следствие, отечественному образованию на долгие десятилетия стали свойственны следующие антидемократические черты: безраздельное господство коммунистической марксистско-ленинской идеологии, крайняя нетерпимость к инакомыслию, возведение в абсолют классово-партийного подхода. В 1929 г. были ликвидированы последние остатки демократических принципов управления вузами, а именно их автономия и самоуправляемость, – выборы ректоров, деканов и т. д. профессорско-преподава-

* - автор, с которым следует вести переписку